МАЙКЛ МАСТАНДУНО

«КИТАЙ ВЯРД ЛИ БУДЕТ ОТВЕТСТВЕННЫМ ИГРОКОМ В АМЕРИКАНО- ЦЕНТРИЧНОЙ СИСТЕМЕ...»

Майкл Мاستандуно — один из ведущих представителей реалистского направления международной политической экономики. Его исследования внесли значительный вклад в осмысление принципов формирования и поддержания институтов регулирования мирового хозяйства и использования экономического инструментария для достижения политических целей. Майкл Мастандуно дополнил и развил наработки своего учителя, Роберта Гилпина, в сфере изучения феномена гегемонии в международной политике. Его докторская диссертация, защищённая в Принстонском университете, была высоко отмечена профессиональным сообществом — она получила премию Американской ассоциации политической науки как лучшая квалификационная научная работа по международным отношениям 1986 года. Уже в следующем году Майкл Мастандуно поступил на работу в Дартмутский колледж, с которым оказалась связана вся его дальнейшая карьера. С 2010 по 2017 г. он возглавлял факультет искусств и наук этого престижного научного заведения, принадлежащего «Лиге плюща». Несмотря на много-

численные административные обязанности, он продолжал активную преподавательскую и научную деятельность. В частности, за последние годы он подготовил серию публикаций, посвящённых динамике американо-китайских отношений и их значению для эволюции международного порядка.

В сентябре 2018 г. шеф-редактор журнала «Международные процессы» Игорь Истомин встретился с профессором Мастандуно и задал ему несколько вопросов¹.

И.И.: Проф. Мастандуно, в первую очередь хотел бы спросить Вас о первых шагах в профессии. Вы начинали с изучения сдерживания в экономике, применения торговых инструментов во внешней политике. Как получилось, что Вы выбрали именно эту проблематику для проведения диссертационного исследования?

М.М.: Когда в 1980-х годах я учился в Принстонском университете, в исследованиях международных отношений существовало чёткое разделение. С одной сто-

¹ В расшифровке стенограммы и подготовке перевода интервью принимала участие А. Дельвина. В материале использована фотография Майкла Мастандуно с его личной страницы на сайте Дартмутского колледжа (Nelson Rockefeller Professor of Government. Dartmouth College. URL: <https://home.dartmouth.edu/faculty-directory/michael-mastanduno>).

роны, были те, кто занимался военными вопросами, безопасностью. С другой — специалисты по политической экономии. Последнее направление было новым и пробуждало интерес. Однако многие исследователи изучали политическую экономию в отрыве от вопросов безопасности. Мой научный руководитель Роберт Гилпин считал, что эти две сферы взаимосвязаны. Я стал искать важные темы на пересечении сфер безопасности и экономики. После упорных научных поисков я наконец обратил внимание на проблему экспортного контроля: каким образом государства соотносят экономическую выгоду от торговли с противником и риски безопасности. Возникающее противоречие заставило меня задуматься над этой темой по-настоящему: Вы берёте вопрос, относящийся к экономической науке, и пытаетесь включить политическую экономию в магистральное направление исследований международных отношений.

И.И.: *Приблизительно двадцать лет назад Вы опубликовали статью, в которой указывали, что в нашей дисциплине недостаёт исследований, в которых бы экономические инструменты государственного управления и вопросы безопасности рассматривались во взаимной увязке. Тогда Вы предположили, что ситуация может измениться. В какой степени Ваш прогноз оправдался?*

М.М.: По моему мнению, ситуация улучшилась. По окончании «холодной войны» во многом существовавшее разделение труда стало исчезать. Те, кто изучал политическую экономию во время «холодной войны», рассматривали США, Европу, Японию, но не противостояние Востока и Запада. Исследование военной составляющей выделялось как рассмотрение высокой политики, проявлявшейся в советско-американских отношениях — включая такие темы, как контроль над вооружениями и ядерное оружие. Что касается политической экономии, предметом анализа был исключительно западный мир.

Когда закончилась «холодная война», все в большей или меньшей степени инте-

грировались в мировую экономику. Мы оказались в ситуации, когда великие державы больше не находились в разных экономических системах — отныне мы все в единой хозяйственной системе. Думаю, это обстоятельство привело к тому, что многие исследователи в области международных отношений задумались о связи между экономикой и безопасностью. Сейчас в разы больше работ, посвящённых вопросу о влиянии экономической взаимозависимости на ведение войн. Например, статьи Дейла Коупленда, Пола Папиану. Дейл Коупленд особенно далеко продвинулся в данном направлении исследований. Есть работы о том, как соотносятся внутренняя политика и стратегическое планирование — например, труды Кевина Наризни. Санкционная политика тоже относится к области пересечения экономики и безопасности, и по этой теме наблюдается взрывной рост работ.

Я помню, как мы подготовили на рубеже 2000-х годов специальный выпуск журнала *Security Studies*, посвящённый взаимосвязи торговли и безопасности. В нём появились работы целой группы умных, талантливых молодых людей. Я имел честь написать завершающее эссе в номере, обобщающее все материалы.

К настоящему времени исследований на пересечении двух сфер появилось ещё больше, а разделение между ними далеко не такое жёсткое, как когда-то. При этом, мне кажется, политическая экономия двинулась в направлении более технических проблем. Меньше исследователей задаются крупными вопросами — находится ли глобальная политическая экономия на грани коллапса? Всё больше специалистов готовят хорошие работы, но занимаются проблемами среднего уровня или малой значимости. Исследования переориентировались в таком направлении. Получить образование в области политической экономии теперь означает стать экономистом или статистиком.

Исследователи, которые трудились в данной сфере в годы моего обучения, — Р. Гилпин, Р. Кохейн, П. Катценштейн,

С. Краснер — обладали стратегическим мышлением и видением мира. Они стремились привнести такое видение в политическую экономию. Думаю, многое изменилось. Ведётся большая работа, но её вклад в дисциплину значительно меньше по сравнению с вкладом, как я бы сказал, традиционной политической экономии.

И.И.: *Международную политическую экономию часто связывают с либеральным направлением теории, так как её предметом нередко выступают вопросы сотрудничества, взаимозависимости и все те формы взаимодействия, которые реалисты не очень любят. Вы же придерживаетесь скорее реалистской позиции. С Вашей точки зрения, какой вклад может внести реализм в рассматриваемую дисциплину?*

М.М.: Нам, реалистам, нравится сотрудничество, мы просто не очень рассчитываем на то, что оно будет иметь место. Отвечая на Ваш вопрос — по моему мнению, реалистский взгляд необходим. Дело в том, что в благоприятные времена люди склонны думать, что мировая экономика способна к саморегулированию. Они полагают, что глобализация неизбежна, что перед бизнесом и правительствами открываются большие возможности, настолько привлекательные, что ими нельзя не воспользоваться. Такой подход неверен.

Мировая экономика нуждается в политическом фундаменте. Если этот политический фундамент крепкий, все воспринимают его как само собой разумеющееся. Возьмём, к примеру, США, Европу и Японию в годы «холодной войны» — их сотрудничество опиралось на определённые договорённости по вопросам безопасности. Объединение против общей угрозы безопасности помогало цементировать хозяйственные связи. Моя гипотеза состоит в том, что политическое основание либеральных экономических отношений хрупкое по своей природе. Оно всегда хрупкое, мы просто этого не замечаем до тех пор, пока что-то неожиданное не происходит.

Мне кажется, Дж. Най как-то сказал, что «безопасность подобна кислороду».

Когда у вас он есть, вы воспринимаете его как само собой разумеющееся. Когда у вас его нет, вы не можете думать ни о чём другом. В некотором роде политические основания экономического сотрудничества соответствуют этой логике. Нынешний период подтверждает значимость положений реализма. Когда политический фундамент начинает разрушаться и сталкиваться с вызовами, Вы начинаете воочию наблюдать, как те вещи, которые казались невозможными (президенты не будут повышать пошлины, ВТО не распадётся, финансовая система устоит), начинают происходить с головокружительной скоростью. Возникает замкнутый круг проблем в экономике и конфликтного потенциала в политике. По этой причине считаю, что у нас должно быть видение долгосрочных тенденций, мы не должны воспринимать глобализацию и сопутствующее сотрудничество как неизбежные.

И.И.: *В какой степени гегемония или лидерство США необходимы для поддержания созданного институционального порядка? С точки зрения Р. Кохейна и Дж. Айкенберри, перемен не ожидается, так как все заинтересованы в поддержании действующих глобальных институтов. Вы разделяете их мнение по этому вопросу?*

М.М.: Нет, не разделяю. Легко считать само собой разумеющимся то, что существует уже на протяжении долгого периода времени. Мы не в состоянии представить себе перемены. Такой подход кажется мне неверным. Если бы мы оказались в 1985 году, многие ли пришли бы к мысли о том, что через пять лет структура «холодной войны» распадётся? А в 1995 году кто мог предвидеть, что на территории США будут совершены террористические атаки, которые приведут к пересмотру американской глобальной стратегии? Кто-то, может быть, думал в этом направлении, но вряд ли мог осознать последствия и масштабы. Или взять 2005 год: мировая экономика динамично развивалась, а через три года мы оказались на пороге второй «Великой депрессии». Мы должны с большей осто-

рожностью трактовать тенденции мировой политики.

По меньшей мере, стоит ожидать наступления перемен, фундаментальных преобразований. По моему мнению, в корне неверно считать, что все действующие институты продолжают существовать по инерции и за счёт общих интересов. Необходимо либо гегемония США, либо другое политическое основание. Необязательно, чтобы это была именно американская гегемония, скорее разделяемое крупными державами представление о необходимости нести общую ответственность за производство коллективных благ (если вы рассуждаете в таких терминах). Обеспечение стабильности является необходимым условием функционирования мировой экономики. Поэтому функционализм в духе Р. Кохейна и Дж. Айкенберри мне не близок.

И.И.: *Вы несколько раз упомянули структурные переменные в качестве основы политики. Сегодня ведутся острые дебаты относительно того, в каком направлении изменяется международная структура. Каково Ваше видение этого вопроса? Можно ли говорить о конце гегемонии США, или она по-прежнему сохраняется?*

М.М.: Думаю, что гегемония США переживает трудности, но это не структурная проблема в строгом смысле. Следует проводить между этими терминами различие.

Мы с коллегой У. Уолфортом дискутировали относительно различения таких понятий, как «однополярность» и «гегемония». Однополярность — это структура. Я думаю, справедливым было бы утверждать, что однополярность сохраняется. И У. Уолфорт, и С. Брукс согласны с этим. М. Бэкли, исходя из структурного видения мира, утверждает, что ни одно государство не способно бросить вызов Соединённым Штатам. Они остаются первыми среди «неравных», доминирующей державой. Возможно, это верно, но гегемония — это нечто другое.

Гегемония предполагает консенсусность, когда другие государства принима-

ют легитимность лидера. В случае с США — это проблема. Можно иметь в несколько раз превосходящий потенциал (в большей степени в военной сфере, чем в экономической), однако, чтобы быть гегемоном, необходимо формулировать общественные задачи, принимаемые людьми. Гегемония предполагает создание такой среды, в которой остальные воспринимают лидерство ведущего государства как жизненно важный параметр с точки зрения собственных интересов.

Я такого восприятия Соединённых Штатов не наблюдаю. Не вижу я этого и в китайско-американских отношениях. Десять лет назад — может быть. Китай пусть неохотно осознал, что в момент, когда он переживал подъём, лучшим вариантом для него была интеграция в систему, где главенствуют США. Однако в последнее время он приходит к выводу, что Америка не в состоянии поддерживать такой международный порядок, который бы отвечал его интересам.

Мне кажется, что дебаты о структуре ещё далеки от завершения. Останутся ли США единственным центром силы? Есть разные точки зрения на этот счёт. Думаю, что Соединённые Штаты всегда в структурном плане сильнее, чем кажутся. В этой связи предполагаю, что у США будет больше структурной силы, чем ожидают представители школы, обосновывающей упадок Вашингтона. Вместе с тем я не думаю, что она быстро преобразуется в лидерство или гегемонию на международной арене, поскольку неструктурные переменные значат многое. Внутренняя политика, престиж, статус — все эти вопросы очень важны.

Я обучался скорее как классический, а не структурный реалист, хотя могу использовать в анализе и тот, и другой подход. В моём представлении классический реализм не такой строгий, как структурный, он учитывает ещё и значимость в мировой политике нематериальных переменных. У России эти показатели лучше, чем её положение в структуре, у США — наоборот. Китаю предстоит ещё осмыслить это соотношение.

И.И.: *Если США продолжают по-прежнему занимать доминирующие позиции, если у нас сохраняется монополярная сила, которая поддерживает порядок, какова альтернатива американской гегемонии в рамках однополярного мира?*

М.М.: В действительности альтернативы может и не быть. Может быть длительный переходный период, когда у нас нет гегемона, но нет и сопоставимой опоры для порядка — это возможно. Возможен продолжительный временной интервал, когда предстоит определить, стоит ли выстраивать равновесие сил, как его обеспечить, опираться ли на региональные вопросы, является ли регионализм альтернативой (что больше соотносится с китайской позицией). Кто контролирует Восточную Азию? — для Китая это большой вопрос. Пока не произойдёт значимое событие, которое внесёт ясность в систему, гегемонии может не быть, но не будет и другого основания порядка. Это форма отсутствия порядка. Не думаю, что лица, участвующие в выработке курса США, осознают это, когда оценивают значение свободы торговли.

И.И.: *Вы также писали, что подход США к институтам лишён идеологической привязанности, отличается прагматизмом. С этой точки зрения в какой степени нынешнее подозрительное отношение Вашингтона к институтам свидетельствует о рациональности его политики? А какую роль играет фактор личности?*

М.М.: Да, Америка всегда отличалась прагматизмом. Когда я говорю об институтах, я не верю в то, что опора на них свойственна американскому «духу». Полагаю, что державы-гегемоны используют их по своему усмотрению. В этом проблема текущей администрации. Она неверно оценивает выгоды, которые можно извлечь из международных институтов. Прагматичный подход к ним означает, что они создают ценность.

Думаю, администрация Трампа недооценивает значимость, скажем, НАТО. Она рассуждает исключительно с опорой на очень узкое понимание выгод и затрат —

исходя из того, кто платит за оборону. Это непонимание смысла существования объединения — наличия долгосрочных отношений и союзников в потенциальном конфликте, которых у противника нет. Думаю, прагматичное общее отношение США к международным институтам объясняется внутривнутриполитическими причинами и скептицизмом относительно вовлечения в международные дела, укоренённым в американской традиции. Важно учитывать и роль силы. Могущественные государства склонны к прагматизму в плане выбора институтов, отвечающих их потребностям. Статус великой державы располагает к этому. Две эти причины объясняют стимулы для США действовать прагматично, а не принципиально. Таков их подход к институтам.

И.И.: *Вы писали о том, что США выступают игроком, формирующим порядок, поскольку такое положение предоставляет привилегии. В какой степени в настоящее время США действуют как игрок, подрывающий систему? Особенно если она приносит больше выгод Китаю, а не им самим?*

М.М.: Думаю, США могут действовать в направлении слома системы. В прошлом такое случалось. Вспомним «Никсоновский шок» 1971 года: Соединённые Штаты создали Бреттон-Вудскую систему, а затем решили, что принятые обязательства более им не нужны. Это был решительный шаг, направленный на слом системы. Что изменилось сейчас? Администрацию Д. Трампа отличает амбивалентный подход — она сомневается, стоит ли подрывать или сохранить имеющееся положение дел? Обратимся для иллюстрации к периоду правления Ричарда Никсона, когда было подписано Смитсоновское соглашение. Другими словами, мы не получаем выгоды от взаимодействия с остальным миром на прежних условиях. Мы хотим пересмотреть сделку, оставив при этом основополагающие элементы порядка нетронутыми.

Думаю, то же можно сказать и о подходе Рональда Рейгана к НАТО, и о политике Джорджа Буша-мл. после событий 11 сен-

тября 2001 г. Дж. Буш-мл. чётко осознал, что США должны формировать мировой порядок, но в более агрессивной форме по сравнению с демократами. Разногласия между неоконсерваторами и либералами были не столько по поводу конечных целей, сколько по поводу средств — каким образом США будут занимать лидирующие позиции в мире? Вопрос, нужно ли им быть лидером, не ставился.

Дональд Трамп задаёт вопрос, стоит ли Соединённым Штатам быть лидером в мире, или же в буквальном смысле не нужно полагаться на имеющуюся систему с точки зрения обеспечения безопасности? Думаю, что это качественно новый вопрос в американской внешней политике. Сработает ли он, сможет ли влиятельная элита сдерживать администрацию и вернуть её к центристской позиции — важный вопрос. У меня нет ответа на него. Но неверно полагать, что дискуссия разворачивается в прежнем русле. Отвечая на Ваш вопрос, могут ли США быть игроком, ломающим систему, — могут. Гегемония в основном зависит от того, принимают ли другие ваше лидерство и хотите ли вы этого сами. В случае с США сегодня неочевидно, хотя ли они продолжать играть прежнюю роль.

И.И.: Если бы Вы были советником лиц, принимающих решения в США, Вы бы рекомендовали им, чтобы Соединённые Штаты были игроком, способствующим сохранению системы или её слому?

М.М.: Я бы рекомендовал быть игроком, поддерживающим порядок. Очень легко поддаться соблазну лучшей сделки. Однако не учитываются при этом негативные стороны вопроса. «Сломаем систему, выборочно возьмём то, что нам нравится», — как в случае с брекзитом. Великобритания хотела бы выйти из ЕС, подчёркивая, что она больше не является частью целого, но желает в ходе переговоров выборочно оставить за собой те возможности, которые ей выгодны. Так не бывает! Реалисты в таких вопросах в буквальном смысле слова консерваторы. Если вещь имеет ценность, её необходимо беречь.

По моим представлениям, безусловно, настоящая политическая система неидеальна, однако она отлично служит интересам США. Можно просчитать альтернативные варианты — какой будет хаос в международной среде, если начать активно её разрушать. Я бы дал совет Д. Трампу относительно НАТО. С 1970-х годов США стремились к более справедливому распределению финансового бремени внутри Альянса, и это нормальная цель. Однако не отказывайтесь от НАТО совсем.

Америка не несёт сейчас крупных обязательств. Однако не стоит допускать большой ошибки. Мир очень быстро может скатиться к кризисному положению дел. Когда я анализирую отношения США и Китая, то задаюсь вопросом, какой может быть выгода для Вашингтона в случае потенциального конфликта? У США есть многочисленные союзники, сеть альянсов по всему миру. У Китая из союзников только, может быть, Северная Корея. В стратегическом смысле ограничительные меры Соединённых Штатов не имеют смысла.

И.И.: Если мы говорим не о союзах и вопросах, связанных с безопасностью. Как выглядит ситуация, если мы обратимся к глобальным торгово-финансовым институтам? По-прежнему ли они выгодны США?

М.М.: Я бы сказал, что они выгодны. Проблема США в том, что они слишком серьёзно воспринимают свою идеологическую риторику. Вне всякого сомнения, Соединённые Штаты слишком сильно продавливали глобализацию и дерегулирование.

Должен ли Китай быть в ВТО? Сложный вопрос. Должны ли США были прибегнуть к «защитительным оговоркам», чтобы не допустить опустошение американской промышленности КНР в начале 2000-х годов? Да! США требовался интернализированный либерализм — без него свободная торговля не работает. Принцип свободной торговли не сработает, пока у него нет устойчивой политической и экономической поддержки внутри стран. Если вы

опираетесь на теорию «laissez-faire», я не думаю, что с системой как таковой что-то не так, я считаю, вы просто придерживаетесь слишком радикального подхода. Не думаю, что стоит впадать и в обратную крайность, заявляя — «свобода торговли нам больше не нужна».

Взамен каждого потерянного рабочего места будут созданы новые. Это базовое экономическое правило президент не понимает, однако мировая экономика всё же хорошо функционирует. Она создаёт благоприятные условия для развития американского бизнеса в сфере услуг, но не для промышленного производства (взглянем правде в глаза). Но промышленное производство в передовых развитых государствах больше не играет той роли, как в прошлом. Прошу прощения, но не удастся сохранить масштабное производство стали, как бы ни поднимались тарифы. И в области политической экономии есть риск слишком большой ломки.

И.И.: *В своих работах Вы пишете, что СССР сыграл важную роль для формирования гегемонии США, поскольку позволил Вашингтону заручиться поддержкой Западной Европы и Японии. Имеют ли действия Китая схожее значение для поддержания лидерства Соединённых Штатов?*

М.М.: Не думаю. Если только Китай не начнёт допускать крупные просчёты и предпринимать ошибочные действия. Потому что, как Вы помните, после Второй мировой войны Советский Союз был интегрирован в мировую экономику в малой степени. Не думаю, что легко будет создать нечто вроде коалиции, подобной той, которая сложилась в годы «холодной войны», чтобы американцы выступили с призывом встать в строй и дать отпор Китаю. Не вижу предпосылок для этого ни в Европе, ни в Японии, ни в Юго-Восточной Азии, где все заинтересованы в США с точки зрения обеспечения безопасности, но при этом поддерживают экономические связи с Китаем. Не думаю, что Соединённые Штаты намерены придерживаться такого плана.

Я бы также сказал, что в этом вопросе стоит ожидать неожиданного. Все мы исходим из предпосылки, что в скором будущем увидим противостояние США и Китая. Однако в КНР много внутренних проблем. Если бы десять лет назад у меня спросили, что более вероятно: что Китай столкнётся со спадом производства или же будет в состоянии бросить вызов американской гегемонии, я бы затруднился с ответом. Не думаю, что Китай переживёт крах, но, мне кажется, мы недооцениваем его внутривнутриполитические проблемы и имеем слишком линейные представления о неостановимом марше Китая к замещению американской гегемонии. Я думаю, что внутренняя политика играет большую роль в этих процессах.

И.И.: *У Вас имеется большой опыт анализа схожих примеров. Вы ведь рассматривали также подъём Японии как потенциального конкурента США...*

М.М.: Да. Всё это очень похоже на то, как многие специалисты стали опасаться Японию, когда она прошла свой пик и начала слабеть. Многие реалисты, в том числе мой научный руководитель Гилпин, неправильно оценили потенциал Японии. Они переоценили её подъём. И я думаю, это не только переоценка вызовов, но и недооценка гибкости и стойкости США. У них много проблем и ошибок, но они способны реагировать на вызовы в зависимости от обстоятельств. Насколько способен к адаптации Китай? Я не знаю. На протяжении тридцати лет Китай был потрясюще успешен за счёт экспортно-ориентированного роста. Эта стратегия дальше работать не будет, мировая экономика не позволит. Есть ли альтернатива? Внутренний спрос? Перестроиться не так легко — нельзя просто нажать переключатель. В Китае присутствуют трудности и на политическом, и на экономическом уровнях. Я не говорю, что они не смогут адаптироваться. Я всего лишь обращаю внимание на то, что нельзя продлить линию современного тренда на двадцать лет вперёд, произвести вычисления и сказать, что ВВП Китая будет 114% от показателя США.

И.И.: В одной из публикаций Вы писали, что до 2008 г. отношения между США и Китаем строились исходя из принципов взаимозависимости. Однако после финансового кризиса они начали пересматриваться. В какой степени мы видим признаки «дезинтеграции» в китайско-американских отношениях, о которой Вы писали десять лет назад? Является ли политика Трампа ответом на эту «дезинтеграцию»?

М.М.: Думаю, да. Что-то такое происходит. И в плоскости безопасности, и в экономической плоскости сейчас есть проблемы, которых не было десять лет назад. Что касается безопасности, Китай вряд ли будет ответственным игроком в американцентричной системе. Для этого он слишком амбициозен и влиятелен.

Что касается экономики, тесное взаимодействие с США было Китаю выгодно, когда мировая экономика оставалась открытой и носила либеральный характер, но сейчас она намного предстаёт менее таковой. США стремятся наверстать упущенное, и санкции — экстремальное проявление этого. Грядут и другие изменения. Будь то жёсткие меры Трампа или более смягчённая версия, взятая на вооружение другими. По моему мнению, изменения в отношениях с Китаем в области безопасности отразятся на экономических связях с ним.

В настоящее время я работаю над большим исследованием: как конкуренция в сфере безопасности сказывается на том, как осуществляется взаимодействие — в духе сотрудничества или противоборства. Отношения США и Китая — отличный пример отхода от кооперации. Американские лидеры верили, что способствовать росту китайской экономики — это хорошо, потому что КНР станет более кооперативной в результате этого процесса. Но сегодня представляется, что этого не случится.

И.И.: В дебатах о структуре международных отношений Вам ближе те, кто считает — Соединённые Штаты продолжают занимать доминирующие позиции. В какой мере это применимо по отношению к Ази-

атско-Тихоокеанскому региону? Не считаете ли Вы, что центральное место в этой региональной подсистеме занимает Китай?

М.М.: Считаю, что США занимают сильные позиции в структуре международных отношений не потому, что они делают то или иное правильно, а потому что конкуренция — это игра с относительным выигрышем. Страны ЕС не консолидируют свои действия. Россия — по-прежнему ресурсная держава. Китай может потенциально бросить вызов США, правда, у него много внутренних проблем. Раньше Китай действовал очень скованно в регионе. Ему придётся столкнуться с последствиями этого. Те, кому сначала нравилась инициатива «Пояса и пути», затем осознали, насколько этот проект связан с Китаем, китайскими фирмами, работает на достижение его положительного торгового сальдо. Думаю, сейчас в отношении политики Китая в регионе присутствуют большие подозрения.

Посмотрим на вопрос под другим углом. После Второй мировой войны США полагали, что быть щедрыми в экономическом плане — в их интересах. По этой причине они разработали План Маршалла, способствовали экономическому восстановлению Японии, согласились на предоставление союзникам торговых преференций. Не наблюдаю, чтобы Китай действовал подобным образом. Он проводит более меркантильную политику в регионе, руководствуясь тем, что хорошо для китайской экономики. Думаю, такой подход виден насквозь, и Китай станет удобным конкурентом Соединённым Штатам. Но если Вашингтон прекращает игру, откажется от участия в делах региона (отказ от Транстихоокеанского партнёрства — один из самых крупных стратегических просчётов), это сыграет на руку Китаю.

И.И.: Вы упомянули инициативу «Один пояс — один путь», без обсуждения которой не обходится сейчас практически ни одна экспертная дискуссия по международной политической экономике, непременно упоминают инициативу «Пояса и пути». Вы говори-

те, что Китай отличает меркантилизм. Не могли бы Вы конкретизировать свою позицию? Не считаете ли, что это своего рода китайский «План Маршалла»?

М.М.: И да, и нет. Да, в том смысле, что инициатива в чистом виде отражает использование экономических инструментов для достижения политического влияния. Однако для того, чтобы попытка политического влияния была успешна, необходимо складывание долгосрочных отношений, при которых страны, участвующие в проекте, считают, что получают выгоду. Не думаю, что Китай полностью осознаёт это. Государство-партнёр может сказать: «Подождите минутку. Что мы можем из этого извлечь? К нам приходят и у нас работают ваши фирмы, не наши люди. Мы попадаем в долговую зависимость от вас. Какого рода это соглашение? Да, у нас есть доступ к вашим инвестициям. Но это напоминает времена колониализма, а не долгосрочные взаимовыгодные контакты». Такие опасения существуют.

Однако многого о проекте «Пояса и пути» мы не знаем. Наши коллеги из Китая утверждают, что эта инициатива — личное детище Си Цзиньпина и что все её приветствуют, но в конечном счёте она не приведёт к существенным последствиям. Не знаю, правда ли это. То, как действуют сейчас китайцы, напоминает политику США в 1930-х годах. Мы были по-настоящему влиятельным государством, не желавшим брать на себя обязательства по поддержанию системы. Мы использовали те средства, которые улучшали наше положение здесь и сейчас, не задумываясь о долгосрочной стабильности системы в целом. Думаю, похожим образом действует сейчас Китай. Чем увереннее звучит лозунг «прежде всего Китай», тем более националистические черты эта политика приобретает.

И.И.: Мы начали разговор с экономического сдерживания и использования торговых инструментов в политической сфере. Представляется, что данная стратегия всё чаще применяется не только в китайско-

американских отношениях, но и в отношениях между другими игроками. В какой степени современный бюрократический аппарат и руководство способны умело проводить такую политику?

М.М.: Полагаю, что подобная стратегия обязательно должна проводиться искусно. Уже давно я пытался провести различие между тактическим или эпизодическим обращением к такого рода взаимосвязям (когда вы в основном применяете меры наказания, чтобы получить что-то взамен) и структурным потенциалом по Альберту Хиршману — вы создаёте среду, в которой другие страны попадают в зависимость от вас. Использование экономических инструментов в политике, скорее, относится к первому, чем ко второму.

С моей точки зрения, Китай руководствовался принципами Хиршмана в своей политике в Восточной Азии. Правда, сейчас это наблюдается в меньшей степени. Россия прибегает к экономическим инструментам в отношениях со странами ближнего зарубежья в основном в тактических целях, что создаёт условия для их дистанцирования. Америка поступает аналогичным образом. У использования санкций в финансовой сфере есть свои пределы, когда государство, объект ограничительных мер, решает, что больше не будет полагаться на доллар и постарается обойти американскую банковскую систему. Это сложно сделать, как Иран уже имеет возможность почувствовать. Однако часто санкции создают стимулы к укреплению автономии. Думаю, что это плохо для США. Экономические методы в политике приносят плоды тогда, когда они незаметны. «Мы введём против вас санкции, ограничительные меры» (и так снова и снова) — это работает в краткосрочной перспективе, но теряет эффективность в долгосрочной.

И.И.: В завершение не могу не задать вопрос о том, как Россия соотносится с Вашим видением мира. Вы рассматриваете в тесной взаимосвязи экономический, политический и военный потенциалы. В какой мере Россия отклоняется от стандартных правил?

Страна занимала важные позиции в военной и политической областях, не всегда при этом имея сопоставимый потенциал в экономике.

М.М.: Да, всё так. Россия способна использовать свой концентрированный потенциал, преимущественно в ресурсной сфере. Не думаю, что она выигрывает от этого в долгосрочной перспективе, однако Россия склонна прибегать к подобным методам в отношениях со слабыми государствами у своих границ. И у неё в некоторой степени получается воздействовать на них результативно.

Для меня более значимый вопрос в другом. Упустили ли США после «холодной войны» возможность интегрировать Россию в контролируемую ими систему? Сложный вопрос. Я писал немного на эту тему в журнале *Security Studies*. В принципе США хотели интегрировать и Китай, и Россию. Для Китая были предусмотрены чрезвычайно мягкие условия, в то время как для России — чрезвычайно жёсткие. Думаю, что на это были основания. По мнению США, Китай был более значим

для поддержания порядка, чем Россия. США хотели интегрировать Россию, но по принципу «соглашайтесь или уходите».

Думаю, что это была упущенная возможность, потому что трудно было представить успешную интеграцию России с учётом опыта 1990-х годов: экономических отношений и расширения НАТО. Звучали ведь и другие, более разумные концепции выстраивания отношений с Москвой. Не надо было заходить так далеко в вопросе о НАТО. США увидели окно возможностей, они решили, что новые обязательства в сфере безопасности не потребуют издержек, но это ударило потом бумерангом по Соединённым Штатам. Это не вопрос о том, «кто упустил Россию», но были возможности, которые США не использовали и в 1990-х годах оказались опьянёнными властью. С консервативной реалистской точки зрения считаю, что это было утерянной возможностью.

И.И.: *Большое спасибо за Ваше время и внимание к читателям нашего журнала.*